

UNIO[✿]
Mystica

ББК 84(2Рос-Рус)6

С37

Выражаем глубокую благодарность Андрею Побиванцеву, без помощи которого издание этой книги было бы невозможно.

С37 Смирнов, Виктор

Грааль или Небесный хлеб храмовников: Смирнов Виктор; –
М.: Ганга 2009. – 512 с.
ISBN 978-5-98882-107-6

Тайна ордена Храма, тайна духовного подвига и взыскание «трапезы Царства» Христова предстают на страницах этой книги как незримое сражение за то, чтобы само сердце наше соделать храмом Божиим, где свершается таинство причащения Небу. Тайна эта имеет непосредственное отношение к самой сути христианства, или, точнее, к сути учения Христова, поскольку реальность бытования конфессии, увы, не всегда совпадает с тем, что было завещано Иисусом своим ученикам. И тайна эта — литургическая.

Эта книга доказывает, насколько востребована сейчас, особенно в России, идея духовного рыцарства.

Автор проекта Сергей Рябов.

Редколлегия: Юрий Мамлеев, Константин Кравчук, Антонина Палто.

Макет Елены Огородниковой, оформление Инны Горцевич.

ООО «Издательство Ганга»
196143, Москва, ул. Голубинская, 17/9 - 501
E-mail: ganga@ganga.ru
Адрес сайта в интернете: www.ganga.ru

Подписано в печать 07.11.09. Формат 70 х 100/16
Гарнитура Charter OSC. Печать офсетная.
Усл. печ. л.32. Тираж 500 экз. Заказ №

© Смирнов Виктор, текст, 2009
© ООО «Издательство Ганга», 2010

ВИКТОР СМИРНОВ

ГРААЛЬ

или НЕБЕСНЫЙ ХЛЕБ
ХРАМОВНИКОВ

UNIO[✧]
Mystica

МОСКВА
2010

Моление о чаше.
Часть диптиха Алтаря
церкви св. Екатерины
в Цвикау. Германия.
1510 г.
Мы видим: в чаше
Господней ангел
несет Христу крест
мучений и грядущего
торжества. На многих
изображениях «Моления
о чаше» чаша содержит
внутри крест.

Эта чудесная книга должна была стать первой в библиотеке журнала «Империя духа», который был создан нашей творческой группой. Однако обстоятельства сложились так, что мы вышли из этого проекта, который ныне опять находится на перепутье дорог и имеет неопределенное будущее.

Теперь публикация книги Виктора Смирнова означает возвращение к давнему проекту Unio Mystica, который был начат в далекие 90-е годы мною вместе с Юрием Мамлеевым. Тогда из запланированной серии изданий вышел лишь один альманах. Название Unio Mystica можно перевести с латыни как «мистическое единение» или «мистический брак». Наша цель в максимальном раскрытии «вертикального» или «полярного» измерения человека и истории. Настоящий мистицизм представляет собой «опытное» богопознание, а не те или иные формы медиумизма, дурного психизма или болезненных квазидуховных фантазий. Вечное и трезвенное возвращение к собственному неизмеримому источнику – вот дорога искателей истины вне их религиозной принадлежности. Порой религии полезны и необходимы, а порой они являются ненужным грузом мертвых истин.

Как сказал один мудрец, есть три способа взаимоотношения с реальностью: можно о ней говорить (этим занимаются ученые), можно ее чувствовать (это дело людей искусства) и можно ею становиться (речь идет о мистиках). Истинный мистицизм – это высшая адекватность своей изначальной совершенной природе, и, соответственно, – Богу.

Сергей Рябов

НА ТРАПЕЗЕ ЦАРСТВА НЕБЕСНОГО

За что сражались и умирали в Святой земле, во имя чего шли на костер и пытку рыцари Храма — тамплиеры? Для овладения гробом Господним? Ради геополитических интересов христианской Европы и римской курии? Или же во имя обретения тайных знаний Востока?

Вероятно, все эти аспекты (и многие другие) в исторической миссии ордена Храма действительно присутствуют и совершенно справедливо отмечаются исследователями. Однако то неуловимое и поистине священное, что скрывается за внешней канвой истории ордена и ощущается очень многими людьми, на первый взгляд далекими от проблем Средневековья, выходит за рамки академических исследований. В этом нет ничего обидного для их авторов: просто архивоведение, текстология, палеография и т.д. имеют дело с тем, что в мире. Сакральное же — не от мира сего.

Священная тайна ордена Храма, по глубоко выстрадавшему и непреложному убеждению автора той необычной книги, которую Вы держите в руках, заключена не в сфере оккультизма, в его современном понимании, не в тайноучениях Востока и не в конспирологических дебрях. Тайна эта имеет непосредственное отношение к самой сути христианства, или, точнее, к сути учения Христова, поскольку реальность бытования конфессии, увы, не всегда совпадает с тем, что было завещано Иисусом своим ученикам. И тайна эта — литургическая.

Речь идет не о букве ритуалов. Литургия, по словам автора, — «алмаз, в котором под немислимим давлением спрессованы угли Священной истории: от дня творения до гибели мира и творения нового неба и новой земли. В литургии мы вдыхаем ароматы тайн грядущего века, созерцаем неземное сияние славы, ожидаем встречи с Господом на трапезе Царства...»

Поэтический образ? Нет, точное понимание сути христианского богослужения. Ведь суть эту составляет именно таинство евхаристии, причащения, то есть священнейшей трапезы, символически и мистически повторяющей трапезу Тайной вечери Иисуса Христа. Таинство по определению не сводимо к обряду и ритуалу, оно есть живая связь с миром духа. Не случайно гласит предание эпохи первых христиан, что святых отшельников причащал ангел из небесной чаши. Сложилась практика «литургии преждеосвященных Даров» — причащение сохраненными, ранее освященными Святыми Дарами.

Рассказывая о древних обычаях первых пустынников, автор этой книги задается вопросом: разве не эти же обычаи встают за строками повествований о Святом Граале, написанных в XII–XIII веках? Чудесная в своей непостижимой многогранности и неосвязаемости святыня — чаша Грааля — являет собой именно образ небесного, ангельского причастия. Взыскание Грааля рыцарями Короля АРТУРА, при всей куртуазной фабульности и усложненности романов и повестей о Граале, — это взыскание

причастия. Причастия небесному огню, бесконечно желанному и опасному для того, кто еще не готов его принять, ведь даже созерцание Грааля лишает сознания доблестного рыцаря, если он недостаточно чист.

Именно храмовников, тамплиеров, традиция называет хранителями Святого Грааля, хранителями того сокровенного завета, который ускользает от исследователя, следующего лишь букве документа. Впрочем, и в текстах Средневековья, в статьях Устава ордена Храма автор этой книги находит подтверждение своим выводам. «Чашу спасения приму и в смерти своей буду подражать смерти Господа: ибо как Христос за меня положил душу Свою, так и я за братьев моих готов положить душу. Вот истинное приношение...»

Рыцарское служение идее отречения ото всего бренного и взыскание небесного причастия, — не покажется ли этот призыв чуждым нашему веку? Нет. Вся книга доказывает, насколько востребована сейчас, особенно в России, идея духовного рыцарства. Эта книга, по словам ее автора, — для тех, кто верует, для воинов духа, как бы странно ни звучали эти слова в рамках нынешней цивилизационной модели, сосредоточенной на том, что зримо и осязаемо. Мир сей, в самых лучших своих интенциях, причащается лишь уютной и понятной идее святости эмпирической жизни, ибо она дарована Богом. Но ведь Бог даровал людям и всегда тревожное, порой мучительное чувство ностальгии по небесному отечеству, по манне пустынников, ангельскому хлебу рыцарей Храма и живой воде сердечной веры.

Путь к небесному отечеству, по исключительно точному замечанию автора, нашедшего этот образ в творениях отцов Церкви, можно уподобить мистическому паломничеству по бескрайнему океану, или морскому сражению, «наумахии». В этом древнегреческом понятии соединились, по законам промыслительного созвучия, слова «наус», корабль, «наос», храм, «нус», ум, сердце. И тайна ордена Храма, тайна духовного подвига и взыскание «трапезы Царства» Христова предстают на страницах этой книги как незримое сражение под мистическим Андреевским флагом, — сражение за то, чтобы само сердце наше соделать храмом Божиим, где свершается таинство причащения Небу.

*Книгу посвящаю
самому дорогому человеку на земле – моей матери*

ВВЕДЕНИЕ

Е.С. Лазарев

«И одождил на них манну в пищу, и хлеб небесный дал им»

Пс. 77.24

6.08.2009

«Великие страсти требуют одиночества»

Шатобриан

«**В**ы, отказавшиеся от собственных желаний, и те, кто до конца сражаются вместе с вами ради спасения душ своих в рядах Великого Царя на конях и с оружием, старайтесь всегда с чистым и благочестивым чувством слушать заутрени, и всякое священное богослужение... Вам, почтенные братья, весьма следует, презрев блеск настоящей жизни и страдания вашей плоти, навечно пренебречь сим бурным миром ради любви к Богу: итак, пусть никто после божественной службы не боится идти на битву, но готовится к венцу, приобщившись божественной трапезе и ею насытившись...

<...> Мы предписываем... чтобы никто из постоянных братьев не совершал иного приношения, кроме как денно и ночью с чистым сердцем следовать своему обету, дабы мог он в этом сравняться с мудрейшим из пророков: Чашу спасения прииму и в смерти своей буду подражать смерти Господа: ибо как Христос за меня положил душу Свою, так и я за братьев моих готов положить душу. Вот истинное приношение; вот жертва живая и Богу угодная!»

Эти две статьи устава Ордена кажутся написанными не гусиным пером и не на пергаментном свитке – они кажутся начертанными кровью на древнем разорванном знамени Храма. Книга, которую мы открыли – всего лишь комментарий к этим статьям.

ПРОЛОГ

ГДЕ ДУХ ГОСПОДЕНЬ, ТАМ СВОБОДА

І. ЖИВЕМ МЫ ИЛИ УМИРАЕМ, МЫ – ГОСПОДНИ

Любить свободно. Как любит ребенка мать, как птица любит небо, как цветы любят солнце, как любят твои свободные дети Тебя.

У Шарля Пеги Всевышний говорит:

«...творя мир разумный, Я хотел большего...

И лучшего. Гораздо лучшего. Я восхотел свободы.

И Я создал эту свободу.

И когда познаешь свободную любовь –
подчинения больше не хочешь.

Когда познаешь любовь свободного человека,

рабские восторги становятся противны.

Когда раз увидишь пред Собой коленопреклоненного

Святого Людовика, то отворачиваешься от толп

восточных рабов,

валяющихся в прахе на земле.

Быть любимым свободно!

Нет ничего, чтобы могло с этим сравниться.

Это, конечно, лучшее, что Я создал»¹

Он принес Свою любовь на землю и предложил ее нам, свободным людям, раздарил ее самым храбрым. Но где ее обрести сегодня? В Песни Песней сказано, что любовь – это знамя (Песн. 2.4).

¹ Пеги.Ш. Избранное: Проза. Мистерии. Поэзия. – М.: Русский путь, 2006. – 400 с. – С. 350.

Если мы – воины Христовы, будем искать знамя, чтобы встать у него готовыми к битве и гибели. Святой Бернард писал в «Похвале новому рыцарству»: «Знайте, что ни смерть, ни жизнь не могут отделить вас от любви Бога, пребывающей во Иисусе Христе, и в каждой опасности повторяйте: «Живем мы или умираем, мы – Господни».

Вернувшись под знамя, мы вернемся к самой великой, самой смертельной из тайн – тайне Христа. Но чтобы коснуться ее и стать причастным ей, мы должны совершить почти невозможное, нечто гораздо большее, чем шедшие этим путем до нас. Утолять нас будут родники великих идей, и сокровища древних книг будут обогащать нас. В пути нам понадобится «тимос», который Платон приписывал сословию воинов – яростный дух, неразмышляющее стремление ко всему благородному. И когда, влекомые тайной, мы ступим на вершины невысказанных гор, где теряют силу крыльев даже орлы, мы внезапно увидим вздымающуюся к небесам духовную золотую цепь, цепь святых, сковывающую воедино небо и землю.

Восхождение к Богу есть одновременно погружение в глубочайшие тайники собственного ума, и этот путь сопряжен с огромным риском. Но что делать, если мы все более отчетливо осознаем, что в нашей жизни, если она лишена трансцендентного, что-то не так? Если мы осознаем, что есть Нечто Прекрасное, единственно достоверное, но выразить его бессильны наши художники и философы?

Где тот Источник, что питал первых христиан, отцов-подвижников, мистиков Византии и средневековой Европы?

Он – единственная реальность нашего бытия, пламенеющее светило, ослепительная бездна. Божественная тайна разлита во всем, и она – в нашем сердце. Только удесятенная сила и энергия этой тайны может дать нам вдохновение для религиозной поэзии великого будущего, того будущего, в котором близость к Богу станет главной ценностью бытия. Мы должны снова поднять свои глаза к небу, вспомнить о том, что мы созданы для созерцания Бога, для Его великой любви. Эта любовь подобна вспышке сверхновой звезды, она способна превращать людей в молнии и живые драгоценные камни. Разве не об этом писал еще Енох? Пусть нас охватит огонь, «второе дыхание»

великой любви и мы превратимся в фениксов, птиц, взлетающих в небо из пламени. Огонь любви – это наша пища, евхаристия. Огнем и пламенем ее называли первые христиане.

Мы – флот кораблей, затерявшийся в океане жизни, разучившийся управлять парусами. Похоже, мы не лучший из флотов, и у нас лишены морского гения адмиралы. Они – теоретики, прекрасно знающие как построить команду во фронт и даже как оттолкнуться от пирса, но о парусах любви им знать, к сожалению, не дано. Мы заблудившийся флот. Но среди нас всегда были капитаны, следовавшие высшим нравственным и духовным ценностям, которые мы теперь считаем чрезмерными и невыполнимыми. Эти капитаны уводили свои корабли к покинутой нами родине и порой возвращались, чтобы научить оставшийся флот управлять парусами любви к Богу и ближнему. Их корабли были кораблями Христа, кораблями незабываемой веры.

Нам стоит поднять глаза к судовому знамени, реющему наверху словно огромная птица. Синий косой крест в белом поле – символ Андрея. Первого, шагнувшего за Христом. Пусть мы – одни из последних, это не имеет значения. Нам стоит ощутить поэзию мистического Андреевского флага, развевающегося над нами, над водами грандиозного океана жизни, окружающего наши корабли. Что есть этот мистический флаг апостола?

Разве это просто прямоугольный кусок белой ткани с синим крестом? Трепещущий над нами, он взывает к нашей чести, он призывает нас к неравному бою с превосходящим врагом, он велит нам гибнуть, но не сдаваться. Совершенно неожиданно, в бою, это древнее полотнище превращается в знак невероятной силы. Под ним кипит наша кровь, и мы сражаемся, раточая жизни. Мистический Андреевский флаг – благословение забытой нами родины, он напоминает всем нам о том, что палубы наших кораблей – ее клочок. Древние христианские писатели сравнивали духовную войну с «наумахией», морским сражением (по сходству греческих слов «ναῦς», корабль и «νοῦς», ум). В этом смысле – все мы люди моря, вместе мы – экипажи боевых кораблей. Не будем же пренебрегать опытом тех, кто порой бросал наш потерявший управление флот и в одиночку искал путь к земле истины, схватываясь с многократно превосходящими силами врага.

Разве можно пренебрегать опытом лучших из наших морских воинов, даже если они бывали порой оторвиголовами? Может быть, они окажутся единственными из нас, владеющими искусством наумахии, морского сражения с силами тьмы? Преодоление эгоизма, жертва собой ради других, высокая нравственность вообще – есть признаваемые всеми, но мало кем реализующиеся ценности. Этим ценностям верны в нашем мире лишь воистину «оторвиголовы», ибо следование высокой нравственности всегда является выходом за пределы всего, что может быть дано нам в обычном опыте жизни. В обычном опыте жизни среди людей, опыте, полном борьбы за присвоение как можно большего.

Мятежники говорят нам: не верьте, что человек может жить продуктами, купленными в супермаркете или мясом, приобретенным на рынке. Подлинная пища человека, пища наших умов и сердец – таинственна, она – бесконечная свобода, превращающая нас в звезды и молнии. В небесном сиянии этой свободы меркнут любые человеческие мечты, рожденные тщеславием и обманчивым благополучием окружающего нас физического мира. Августин говорил, что Господь протягивает нам Свои сокровища, но мы не можем их взять, потому что руки наши все время заняты. Наши умы и сердца оккупированы материальным, но во все времена, всегда находились те, кто не смирялся ни с какой оккупацией.

Некогда нас призвал к мятежу Христос – с тех пор мы множество раз предавали его, мы – это прежде всего церковь. Но с каждым поколением мятеж против тьмы может возобновляться, ибо евангелие бессмертно. Способны ли мы сегодня к этому мятежу, можем ли мы снова стать королевскими партизанами, шуанами Христа? В конце концов, ведь сколь многие из нас носят имена мучеников и святых.

Что значит любить Его свободно в отвернувшемся от Него мире? Значит это – быть свободными самим. «Свободный» – «франк», таково значение этого слова. Франками называли всех жителей христианской Святой Земли. Русские мы, французы ли, немцы, британцы – если мы любим Христа и следуем за Христом, мы – «франки». Вспомним, что писал в своей Хронике Амбруаз:

«Тогда, в те старые времена
 Кто был нормандцем иль французом,
 Британцем, пикардийцем или немцем?
 Ведь все, и рыжий, черный или белый,
 Тогда носили имя франков и честь
 Одну тогда делили сообща...»¹

Будем франками, будем свободными.

Свобода, сияющая в бездне объятых вечностью звезд! Будем верить, что церковь, религия наша и вера вырвутся из-под власти карикатуры, низкого заигрывания с властью, из-под власти ханжества и лицемерия. Вернемся к знамени! Будем помнить, что Всевышний ближе к нам, чем наше сердце.

Мы созданы для свободы любви, наши сердца, наши умы способны охватить любовью всю вселенную. Мы не можем жить хлебом, купленным в булочной. Наша пища – таинственна, наш хлеб – не от мира сего.

Дитрих Бонхоффер, узнав 21 апреля 1944 г. о провале заговора графа Штауфенберга, обреченный на смерть, написал в нацистской тюрьме стихотворение:

Люди к Богу приходят, когда они в беде,
 молят о помощи, просят счастья и хлеба,
 избавления от болезней, вины и смерти.
 И так поступают все, все – христиане и язычники.
 Люди к Богу приходят, когда Он в беде,
 находят Его в нищете, позоре, без крова и хлеба,
 видят Его подвластным греху, бессилию и смерти.
 Христиане с Богом в Его страданиях.
 Бог приходит ко всем людям, когда они в беде,
 насыщает плоть и душу Своим хлебом,
 Умирает на кресте за христиан и язычников,
 и прощает тех и других.

Наша подлинная пища – на небесах, там, где наше отечество. Мы родились с интуицией иной пищи и иной родины, чем земные, и с мучительной ностальгией по ним. В лучших из нас всегда работает и тревожит сердце тот компас, та «стрелка», что влечет нас, подобно «гераклеяскому камню» Климента Александрийского, к созерцанию небес. Это чувство схоже

¹ Перну Р. Крестonosцы. – СПб.: Евразия, 2001. – 320 с. – С. 198.

с инстинктом перелетных птиц, влекущим их через тысячи миль к теплу и свету.

Пока мы живем, это чувство живет в нас, и тревожит нас. Оно подобно внутреннему герольду, призванному напоминать: «Есть нечто, для чего ты создан. Не обольщайся пищей для уст. Есть пища сердца и ума, только в ней – твоя жизнь. Теряя эту пищу, ты теряешь жизнь». Можно ли забыть, что мы носим имена мучеников и святых? Тех, кто были могущественнее смерти, могущественнее жизни? Рильке писал в одной из своих импровизаций о том, что мы «бываем более отважными, чем сама жизнь, на один выдох более отважными...»¹ Способны ли мы сегодня быть «более отважными, чем сама жизнь»? Что нужно для этой отваги? Разве не любовь, разве не вера? Вера – это акт «предельного интереса», бесконечная страсть. Пауль Тиллих утверждал в «Мужестве быть»: «Всякая вера обязана пойти на... риск; в условиях самоутверждения конечного существа такой риск неизбежен. Предельный интерес – это предельный риск и предельное мужество».

Кьеркегор был убежден, что современное христианство могут спасти «рыцари веры». Остались ли они на земле? Для отваги и веры как предельной страсти действительно нужны рыцари веры, духовные воины.

Чтобы стать воином, человек должен взрастить в себе «тимос» стражей, яростный дух, «неразмышляющее стремление ко всему благородному». Любое благородство требует благородной дистанции. О «пафосе дистанции» говорил Ницше. Дитрих Бонхоффер, христианин в антинацистском подполье, писал в 1942 году: «Если у нас не достанет мужества восстановить подлинное чувство дистанции между людьми и лично бороться за него, мы погибнем в хаосе человеческих ценностей. <...> Мы переживаем сейчас процесс общей деградации всех социальных слоев и одновременно присутствуем при рождении новой аристократической позиции... Аристократия возникает и существует благодаря жертвенности, мужеству и ясному сознанию того, кто кому и чем обязан...»

1 Рильке Р. М. Прикосновение: Сонеты к Орфею: Из поздних стихотворений/Райнер Мария Рильке. Петь – для чего?/Мартин Хайдеггер. – М.: Текст, 2003. – 237 с. – С. 188.

Он же, Бонхоффер, утверждал, что средоточие жизни – это «существование для другого», «жизнь для других». Вот, пожалуй, самая фундаментальная черта христианского аристократизма. Разве Сам Христос, Король воинов, не сказал, что Он пришел служить другим?

Подобные идеалы требуют быть «более отважными, чем сама жизнь, на один выдох более отважными». Что такое «на один выдох более отважными»? Этот выдох – слово поэта, разве Сам Господь не великий Поэт, сотворивший Словом-«выдохом», прекраснейшее из стихотворений – вселенную? Слово – выдох уст, легчайшее из дуновений. В Третьей книге Царств Всевышний говорит Илие: «...не в ветре Господь... не в землетрясении Господь... не в огне Господь. После огня – веяние тихого ветра» (3 Царств. 19.11–12). Господь говорил с пророком в легком дуновении, в выдохе: «что ты здесь, Илия?» (3 Царств. 19.13).

Но это легчайшее из дуновений, «выдох», слово поэта, не есть ли сила, сделавшая нас людьми, способными к милосердию и мужеству, способными внимать Богу? Разве евангелие не сотворено подобным выдохом, более отважным, чем жизнь?

И, запечатлеваясь в великих книгах, выдох-слова становятся языками молний, которые касаются наших умов и сердец, воспаляя их. Словно пороховые погреба, наши умы и сердца взрываются древней забытой любовью, а наши глаза обретают орлиную силу смотреть прямо на Солнце, в тысячу раз более яркое, чем солнце физическое.

Книги христианства говорят нам, что есть состояния ума, для которых наши гении науки и искусства лишь низшая ступень, духовные плебеи. Остальными уровнями этих состояний мы можем лишь восхищаться – восхождение в любви к созерцанию немислимого света и космический полет мысли к престолу Божию. В каждом человеке есть свой Елеон-Монсальват, Оливная гора. У ее подножия, в Гефсиманском саду, страждет Христос, с ее вершины Он восходит к Отцу, на нее Он готов ступить в Своем новом пришествии к нашему сердцу. Там хранится Грааль, ибо все сердца человеческие предназначены к великой трансформации в лучезарный сосуд милосердия и счастья, око Божие в нас...

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Е. С. Лазарев</i>	НА ТРАПЕЗЕ ЦАРСТВА НЕБЕСНОГО	6
Пролог	ГДЕ ДУХ ГОСПОДЕНЬ, ТАМ СВОБОДА	II
1.	Живем мы или умираем, мы – Господни	II
2.	Крылья евхаристии	22
3.	Бог-Ребенок	37
4.	Превзойти фарисеев	54
5.	Дорога горных стрелков	71
Часть I	СМЫСЛ МИРА • От видимого к невидимому	85
1.	Делайся жаждущим как олень	85
2.	Славьте Господа, ибо Он благ	107
3.	Он проходит за второй занавес	123
4.	Мы находимся на земле, но принадлежим небу	138
5.	Троица, или сияние Божественной тьмы	153
6.	Благословенно Царство	170
7.	Ищите горнего, где Христос одесную Бога	200
8.	Созерцать вещи божественные и знать Бога. Таково благодаяние божественного кубка	211
Часть II	ЛИЦЕ БОГА • От невидимого к свету славы	243
1.	В вышнем мире все тело прозрачно	243
2.	Сосуд, как бы большое полотно	256
3.	Вы будете крещены Духом Святым	268
4.	Ты говорил: «Родится человек»	281
5.	Вкусите и видите	290
6.	Как львы, дышащие огнем	305
7.	Во свете лица Твоего мы видим свет	319
8.	Я воистину зрел чудо	337
9.	Литургия у алтаря сердца	350
Часть III	ЧАША СПАСЕНИЯ • Да ядите и пиете за трапезою Моею в Царстве Моем	366
1.	Сияние, всемеро более яркое	366
2.	Душа может служить Господу духовным служением	381

3.	Состояние постоянного причащения: Ты в Господе и Господь в тебе (Феофан Затворник)	398
4.	Святой Серафим	409
5.	В пустыне нет никого, кроме Бога	422
6.	Можете ли пить чашу, которую Я буду пить?	435
7.	Нет другого имени под небом	449
8.	Не нам, Господи, не нам!	464
9.	Чаша страдания и чаша любви. Чаша радости	480
Эпилог	ЕГО ХРАНИТ ЮНАЯ ДЕВА	497